

Россия 1990-х: обреченность на падение

20 декабря 2010

Владимир Попов

Споры о том, в каком направлении и с какой скоростью проводить реформы в России разгораются с новой силой. Противники ускоренной либерализации ссылаются на то, что шоковая терапия в начале 1990-х гг. чуть не привела страну к полному краху. Однако вовсе не скорость проводимых реформ, и даже не их радикальная направленность были причиной неудач. Все дело в структурной и институциональной ловушке, в которой оказалась страна, уверен профессор РЭШ **Владимир Попов**

Правило и исключения

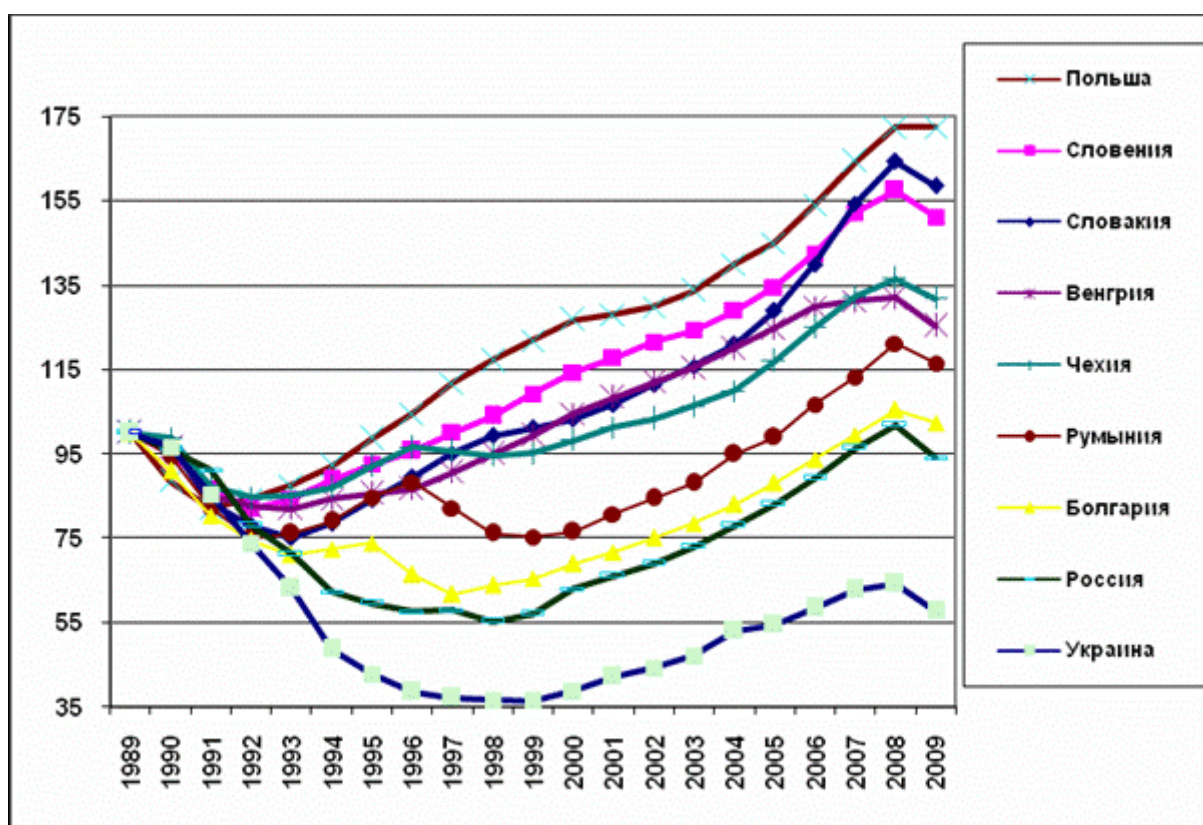
Долговой кризис 1980-х гг. в развивающихся странах привел к появлению «вашингтонского консенсуса» — аналитики обвинили во всех бедах пострадавших стран чрезмерное государственное вмешательство. В итоге было рекомендовано всем странам, терпящим бедствие, спешно провести либерализацию и макростабилизацию, сократить госрасходы и госсектор, открыть закрытые экономики для внешней конкуренции. Однако результаты проведения такой политики сначала в Латинской Америке и Африке, а затем и в бывших соцстранах оказались различными, для некоторых — катастрофическими.

Исследователи спорят, что было главной причиной таких различий, и многие сходятся на том, что именно скорость проводимых либеральных реформ и определяет, как быстро страна может оздоровить свою экономику. Однако были ли реформы проведены в режиме шоковой терапии или же растянуты на несколько лет — вовсе не объясняет, почему одни страны шагнули вперед, а другие — «провалились».

В докладе Всемирного банка о мировом развитии за 1996 г. «От плана к рынку» утверждалось, что быстрый, резкий переход к рынку более предпочтителен. Главные составляющие перехода: либерализация цен и рынков, макроэкономическая стабилизация, ограничение госрасходов, приватизация, открытие экономики. Подтверждения эффективности такой политики, вроде бы, есть — страны Центральной Европы, наиболее сильно либерализовавшие свои экономики, показали лучшие результаты (см. Рис. 1).

В Польше предкризисный уровень был превзойден в 1996 г., в Словении — в 1998 г., в Венгрии, Чехии, Словакии — в 1999–2001 гг. В странах СНГ, где уровень либерализации был заметно ниже, выход из трансформационного кризиса затянулся.

Рисунок 1. Динамика ВВП в европейских переходных экономиках, 1989 г. =100%

Источник: EBRD, Transition Report за разные годы

Однако на правило «чем быстрее и глубже либерализация — тем лучше результаты» можно найти несколько исключений. Исключение первое — Китай. Быстрый экономический рост 80–90-х гг. не был результатом шоковой либерализации.

Исключение второе — Вьетнам. Стране удалось за счет рыночных реформ перейти к ускорению экономического роста, полностью избежать трансформационного спада, чего не удавалось даже самым успешным экономикам Центральной Европы.

Исключение третье — некоторые республики бывшего СССР. Бесспорные лидеры в либерализации, Балтийские страны, показывают не лучшие экономические результаты. Даже в 2003 г. ВВП этих стран составлял только 77–98% от уровня 1989 г. Лидерами же по полученным в ходе реформ результатам стали Узбекистан, Туркменистан, Эстония, Беларусь, Казахстан, хотя показатели либерализации экономики в них (кроме Эстонии) достаточно низки.

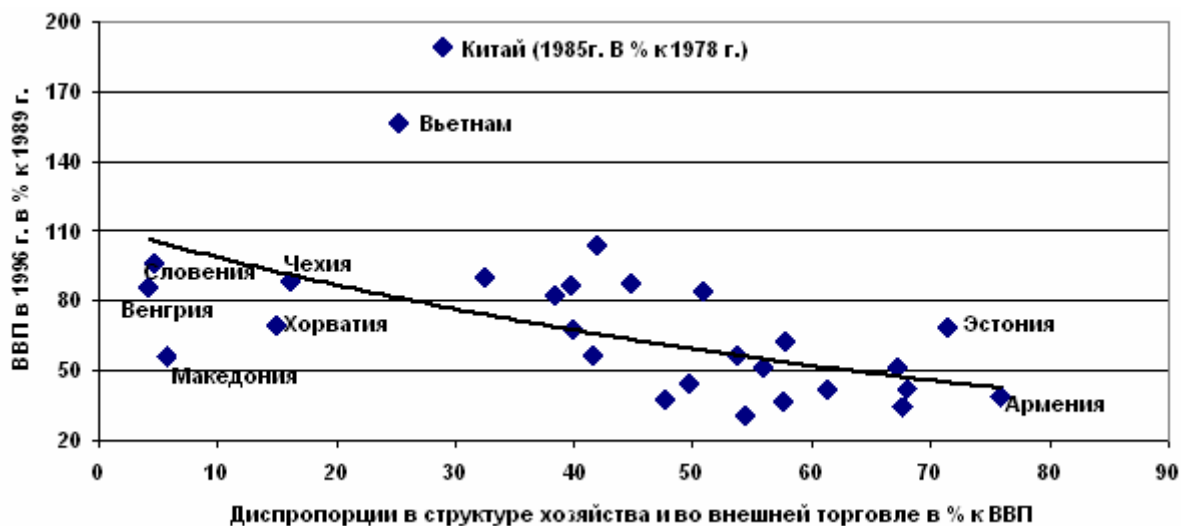
Исключение четвертое. Нет единства и среди стран Восточной Европы — Венгрия, один из трех лидеров либерализации наряду с Польшей и Словенией, росла медленнее Словакии.

Почему происходит трансформационный спад

Наиболее простое и правдоподобное объяснение причин трансформационного спада при переходе от плановой к рыночной экономике — шок предложения. Зарождающиеся рыночные механизмы и институты слишком неразвиты и негибки, чтобы справиться с перемещением ресурсов между отраслями, устранить барьеры на пути движения труда и капитала. В результате, падение производства в неконкурентоспособных при новых уровнях цен отраслях не компенсируется ростом в конкурентоспособных сферах.

Иными словами, чем больше масштабы неконкурентного сектора — тем больше масштаб трансформационного спада (см. Рис. 2).

Рисунок 2. Совокупные диспропорции в структуре хозяйств и во внешней торговле накануне рыночных реформ (Китай — 1978 г.; все остальные страны — конец 80-х годов) в % к ВВП и динамика ВВП в первые 7 лет переходного периода

Источник: Попов, В. «Динамика производства при переходе к рынку: влияние объективных факторов и экономической политики» — Вопросы экономики, №7, 1998

Этим можно объяснить лучшие результаты при рыночном переходе у бедных сельскохозяйственных стран, таких как Вьетнам, Китай, Албания, Монголия. Их примитивный основной капитал был менее подвержен деформациям и составлял по стоимости меньшую часть ВВП и инвестиций.

В сельскохозяйственном Китае диспропорции плановой системы не были увековечены «в металле», поэтому при любой скорости перехода к рынку выгоды сказались бы сразу. В СССР же высокий уровень развития обернулся проблемой — диспропорции, созданные плановой системой, были овеществлены в основных фондах, «отлиты в металле».

Диспропорции в структуре хозяйства и во внешней торговле, уровень ВВП на душу населения и вовлеченность в военные конфликты объясняют более 60% вариаций в динамике производства в 1989–1996 гг. по 28 странам с переходной экономикой. Чем выше уровень диспропорций и развития — тем сильнее падение производства. Вкупе же с показателем инфляции перечисленные факторы объясняют 80% вариаций в динамике производства во время трансформации. А вот роль скорости либерализации не подтверждается.

И снова об институтах

Картина была бы неполной без оценки влияния институтов. Слабые и неэффективные институты не позволяют отработать механизмы банкротств и защиты контрактов, не обеспечивают прав собственности, ведут к накоплению неплатежей. Сама по себе инфляция — также порождение неэффективности институтов, слабости власти.

Эффективность институтов можно оценить через динамику доли государственных доходов в ВВП. До рыночных реформ в бывших социалистических странах государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не

меньшей финансовой мощью, чем в странах Западной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50% ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять коллективные блага (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты.

Резкое сокращение госрасходов во время реформ — верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства. В странах бывшего СССР и Юго-Восточной Европы государственные расходы были урезаны в два и более раза всего за несколько лет. Это не оставило шансов компенсировать падение объема финансирования через повышение эффективности институтов. Государство не смогло гарантировать права собственников, исполнение контрактов, поддержание законности и порядка. Так, к факторам успеха при переходе к рыночной экономике добавляется способность государства сохранить эффективные институты. Темпы либерализации тут не играют практически никакой роли.

Именно ослабление и развал институтов могут объяснить сначала провал горбачевских — постепенных, а затем и ельцинских — шоковых реформ. Никакая либерализация, ни моментальная, ни постепенная, если она сопровождается ослаблением институтов, не может привести к улучшению экономического положения.

Вьетнам и Китай только подтверждают этот вывод — в этих странах при переходе удалось сохранить сильные институты. Кроме того, авторитарные страны вправе выбирать, с какой скоростью проводить реформы, а более демократические (или резко переходящие к демократии страны), как правило, выбирали радикальный путь, потому что общество хотело всего и сразу.

Преждевременная демократия

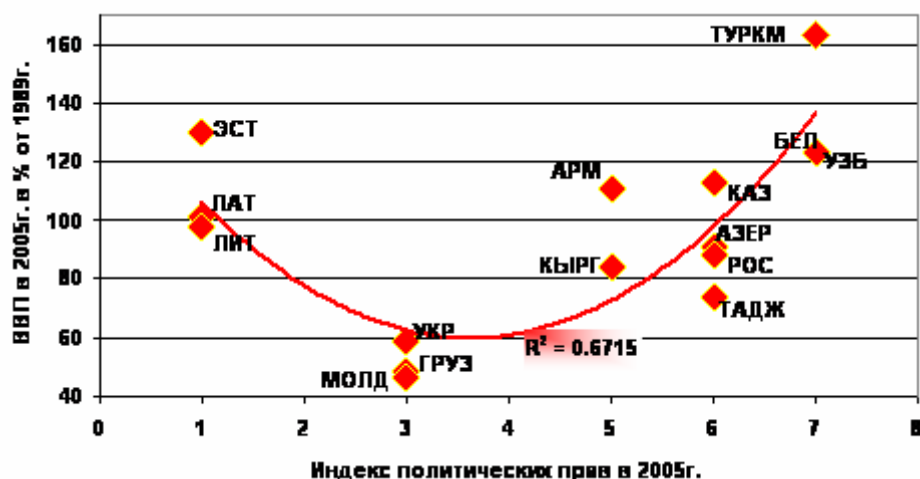
Эффективные государственные институты и благоприятная среда для реформ могут существовать как при авторитаризме, так и при демократии — Китай это доказал в очередной раз. Отсюда вопрос: что первостепенно для авторитарных стран в момент перехода к рынку — либерализм (не путать с экономической либерализацией), или демократизация.

Либерализм гарантирует права экономических агентов, права собственности, исполнения контрактов и т.д., а демократия добавляет к этому право на свободу слова и печати, избирательные права. Экономически успешная Западная Европа сначала стала либеральной, а уже потом — демократической.

По другому пути, от демократизации к либерализму, пошли в период реформ сначала страны Латинской Америки и Африки, а затем многие советские республики и страны Юго-Восточной Европы. Возникшие в этих странах после демократизации нелиберальные демократии оказались неспособными поддерживать ни «порядок без закона», поскольку утратили прежние авторитарные инструменты, ни порядок на основе закона, поскольку не успели создать новые демократические механизмы, позволяющие гарантировать стандартный набор либеральных прав.

Наихудшая экономическая динамика наблюдается в странах с неудачным сочетанием слабых институтов (низкий индекс правопорядка) с относительно высоким уровнем демократии (см. Рис. 3).

Рисунок 3. ВВП в 2005 г. в % от 1989 г. и индекс политических прав в 2005 г.

Источник: Freedom House; EBRD Transition Report за разные годы

Демократизация при слабых институтах может привести также к повороту обратно — в сторону авторитаризма, поскольку нестабильность политического режима очень велика. Возврата к авторитаризму после начальной демократизации чаще удается избежать тем странам, в которых сильны институты и над которыми не тяготеет «ресурсное проклятие». То есть тем, которые импортируют, а не экспортируют ресурсы. Сила институтов может «перетянуть» эффект ресурсов (пример — Норвегия), но если и институты слабы, и страна ориентирована на ресурсный экспорт, то шансов создать стабильную демократию практически никаких.

Именно это наблюдается на постсоветском пространстве: только пять бывших советских республик стали к 2005 г. более демократическими, чем в 1991 г. — Эстония, Латвия, Литва, Грузия и Молдавия.

В итоге, причины неудач на пути перехода от плана к рынку в России заключаются не столько в выбранной скорости в реформ, сколько в том, что совпали несколько факторов:

- значительные структурные диспропорции в экономике : большой, но неконкурентоспособный промышленный сектор , который не мог ни быстро перестроиться, ни умереть, передав ресурсы в пользу более перспективных отраслей;
- развал существовавших институтов из-за ускоренной демократизации.

Владимир Попов

Подробнее см. в: Попов В.В. [Шокотерапия против градуализма 15 лет спустя: почему динамика производства в странах с переходной экономикой была неодинаковой.](#) — [Вопросы экономики, № 5, 2007](#)